

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.12>

Перельман Ирина Владимировна

ФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

В статье осуществляется попытка концептуального анализа понятия "имперское самосознание". Рассматриваются основные движущие силы его формирования, а также формы презентации. Исследуется генезис "имперского". Раскрывается важность элитарной части имперского общества в процессе продвижения имперской идеи. Философско-психологическая категория "самосознание" разбирается в контексте актуальности исторической науки. Объясняется дифференциация "имперского" и "империалистического". В опоре на методы феноменологии автором предлагаются объяснения природы понятия "имперское самосознание" и стратегий его исследования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/3/12.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 63-67. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

отношение, в которое попадает не только протитуруемый, но и протитурующей, причем гнусность последнего еще гораздо больше, то и капиталист и т.д. попадает под эту категорию» [8, с. 74].

Однако изучение современной общественной парадигмы говорит нам о том, что в современном постиндустриальном обществе вышеназванные тенденции, если не элиминируются полностью, то становятся более латентными. Символическая природа товара раскрывается сегодня в идее «человекоразмерности» и «комфортности» товара. Онтологический разрыв между индустриальным и постиндустриальными типами общества становится всё более заметным и значимым не только в области праксиологической, но и в отражении теоретическом. Если для эпохи классического индустриального капитализма основой была добыча ресурсов, производство товаров материальных, то для информационной эпохи, которая для нас есть настоящее, роль нефти, согласно известному тезису, заменяет информация, и только те товары, которые способны обрабатывать саму информацию, приобретают с каждым днём всё большую ценность и, соответственно, рыночную стоимость.

Список источников

1. Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
2. Аристотель. Политика. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 832 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мир книги, 2007. 464 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. Наука логики. 452 с.
6. Лосев А. Ф. Вещь и имя // Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 848-871.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50-ти т. Изд-е 2-е. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41-174.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений: в 50-ти т. Изд-е 2-е. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. Капитал. Критика политической экономии. 900 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
10. Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. С. 32-54.
11. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. М.: Академический проект, 2017. 799 с.

EXISTENTIAL SENSE OF ONTOLOGY OF THINGS

Krasnov Anton Sergeevich, Ph. D. in Philosophy
Kazan (Volga Region) Federal University
anton-krasnov1987@yandex.ru

The article analyses the ontological foundations of the existence of a thing itself and its socialized form of being – a commodity, through which a man's essence is revealed. A person, being in co-existence with the world of things, is forced to comprehend this world not only in the reflexive and sensualistic dimension, but also in the metaphysical one. Commodities and things are intermediaries between a man and the world, but an important role is played by the link with the transcendent, extremely supersensitive dimension of human life, since giving symbolism to things and commodities underlies existential human need.

Key words and phrases: philosophy; ontology; existentialism; commodity; thing; capitalism; metaphysics.

УДК 1; 16

Дата поступления рукописи: 13.01.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.12>

В статье осуществляется попытка концептуального анализа понятия «имперское самосознание». Рассматриваются основные движущие силы его формирования, а также формы презентации. Исследуется генезис «имперского». Раскрывается важность элитарной части имперского общества в процессе продвижения имперской идеи. Философско-психологическая категория «самосознание» разбирается в контексте актуальности исторической науки. Объясняется дифференциация «имперского» и «империалистического». В опоре на методы феноменологии автором предлагаются объяснения природы понятия «имперское самосознание» и стратегий его исследования.

Ключевые слова и фразы: империя; феномен «имперского»; имперская данность; самосознание; имперское самосознание; генезис.

Перельман Ирина Владимировна

Московский педагогический государственный университет

Пансион воспитанниц Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

perelman7655@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Интерес к формам общественного самосознания находится в русле общей стратегии исторических исследований конца XX – начала XXI в., для которых характерны поиски историко-психологических маркеров

национального развития, повышение внимания к антропологической стороне истории и междисциплинарным подходам к проблемам исторической науки. В этой связи «имперское самосознание» становится важной методологической проблемой исторической психологии, изучение которой предполагает исследование механизмов изменений психологических состояний отдельных людей, представителей элиты, общества, народа.

Проблема «империи» и понятий, с ней коррелирующих, является сквозной для исследователей военно-политической и социально-экономической истории государств. Разнообразные векторы развития империй неотделимы от сложившегося в обществе представления о прогрессе. В связи с этим «имперская тема» сохраняет **актуальность** на каждом новом этапе развития общественной и научной мысли. Феномен имперского самосознания, которое нам представляется существенной стороной реализации имперской идеи, практически не исследован. Данная статья является попыткой заполнения лакун в исследовании процессов формирования имперского самосознания, чем и объясняется её **новизна**.

Сегодня наибольший интерес учёных вызывает профессиональное и национальное (этническое самосознание), поскольку степень исследованности данных феноменов позволяет понять важнейшие стороны развития современного общества. Наш научный интерес выбивается из общей стратегии исследования самосознания, поскольку, с одной стороны, апеллирует к исторической ретроспективе, а с другой – стремится рассматривать его сквозь призму имперского измерения. Подобный подход обладает оригинальностью, позволяющей внести в проблемное поле самосознания новое содержательное измерение, тяготеющее к политико-идеологическому спектру его наполнения.

Целью настоящей статьи является осуществление концептуального анализа понятия «имперское самосознание», основных стратегий его формирования и эвристических направлений исследования. Среди **задач** хотелось бы отметить обобщение образно-символических языков презентации имперскости. Интегральная природа исследуемого феномена обуславливает рассмотрение его структуры с различных частнонаучных позиций: исторических и философско-психологических. Они определили историографическую базу исследования, приоритет в которой получают труды Г. Мюнклера, М. В. Глеб, Э. Гуссерля.

Материалы статьи могут быть использованы в практике преподавания специализированных курсов по истории империй, исторической психологии, философии истории.

Имперское самосознание является одним из проявлений феномена «имперского», который трансцендирует объективно-исторический опыт империи. Следовательно, основным объектом познания выступает империя в многообразии своих проявлений, за счет которых происходит генезис имперского. «Имперское» зиждется на всех доступных сферах опыта, направленных на реализацию имперской идеи. Несмотря на наличие комплекса общих характеристик, каждая империя как сущность сингулярна, и все те, что когда-либо развивались на планете Земля, обладали исключительностью и оригинальностью [10]. Таким образом, феномен «имперского» будет для каждой империи включать уникальные обобщения её конкретно-исторического развития.

Всякий объект познания поэтапно конструируется (конституируется) в сознании исследователя. Для обеспечения этого процесса необходимо определить основные формы данности (выраженности) и корреляты объекта, поскольку решение проблемы данности есть нахождение «конституции предметностей любого вида в познании» [7, с. 188]. Империя как объект познания, доступный исследователю в череде множественных данностей, есть субстанция временная, процессуальная, развивающаяся и, следовательно, эволюционирующая. Необходимо остановиться на основных данностях империи, потому что их анализ позволит понять главные движущие силы формирования «имперского».

Империю понимают как особую форму государственной организации общества [3]. Одним из фундаментальных проявлений имперской данности (эвристическим критерием империи) исследователи считают нарушение структурного консерватизма «системы сосуществующих государств» [10, с. 16] и, таким образом, путём вмешательства в чужие дела, установление порядка как главной формы выражения имперской миссии. «Империя не знает ясного разграничения между вопросами внутренними и внешними...» [Там же, с. 91]. Порядок, создателем и гарантом которого является империя, выступает первой формой её выражения, данной в пределах чистой очевидности. Из этого обстоятельства вытекает идея о том, что «империю следует отличать от государства» [Там же, с. 24]. Для неё характерна совершенно иная логика действий, которая прослеживается, прежде всего, в отношении к границам имперского пространства. Имперская логика обуславливает их формальность и пластичность [Там же, с. 24-31], пульсирующую природу. Базовой данностью имперского пространства является своего рода противопоставление между центром и периферией, часто обеспечивающей полиэтничный состав империи.

Другим важным проявлением имперской данности исследователи считают временную и пространственную протяжённость. Они обеспечивают способность империи к «реформированию и регенерации» [Там же, с. 31], а также создают великодержавную претенциозность. Коррелятом протяжённости являются геоэкономические возможности империи, поскольку «контроль над потоками товаров и капиталов и захват территорий не могут быть просто отделены друг от друга» [Там же, с. 34].

Мы рассматриваем империю как модель политического устройства, которая исторически показала себя правомочной наряду с государством. Важнейшей данностью, отличающей, по мнению немецкого учёного Г. Мюнклера, империю от государства, является власть, находящаяся «в перманентном стремлении к интервенции» [Там же, с. 41]. Имперской власти чуждо политически-моральное самоограничение. Она неспособна на нейтральную сдержанность во взаимоотношениях со странами «имперского мира» и не приемлет подобной сдержанности от указанных стран. «В случае серьёзной провокации этому “миру” приходится выбирать

“за” или “против” имперского господства, а нейтральная сдержанность рассматривается как скрытое враждебное поведение» [Там же, с. 42]. Имперское стремление к интервенции, как правило, имеет моральную оправданность. Это одно из средств логики имперской политики. «Логика империи весьма охотно использует моральные оправдания в качестве силового фактора, но никогда не позволит сопоставлять себя с ними» [Там же, с. 45]. Так, широко известен тезис «о бремени белого человека», изложенный Р. Кипплингом в стихотворении “The White Man’s Burden” и ставший своеобразным манифестом британской колониальной политики. Идею о великой гуманитарной миссии империи стремились распространять в последней четверти XIX в. представители Британской компании Южной Африки. Своей целью они провозглашали «продвижение цивилизации» [4, с. 44]. Однако в центр общественного внимания часто попадали в связи с участием в «локальных войнах и карательных операциях» [Там же].

Всякая империя немыслима без имперских амбиций. Главным презентантом таковых является имперская элита, в руках которой концентрируются власть и сила. Она руководит важнейшими процессами имперской коммуникации, обеспечивая, таким образом, смысловую систему, фиксирующуюся в сознании всех людей, в неё вовлечённых. Элитарная часть общества как особый высший социальный слой в иерархической модели политической и социальной организации государства является вершиной имперской коммуникации. Для элиты тема «империи» является важнейшей частью самосознания, утверждения собственного статуса. Элиты выступают главными идеологами имперской идеи. «Элита или элиты самоосуществляются, только соотносясь определённым образом с имперской идеей, имперской властью и всем спектром форм их реализации» [16, с. 26]. При этом имперская идея должна рассматриваться в качестве предданного по отношению ко всем разбираемым данностям, поскольку обуславливает их реализацию. Понятие «предданное» было использовано Э. Гуссерлем для объяснения условия познания данного [7, с. 211-212]. Итак, военно-политические, интеллектуальные, религиозные и культурные элиты реализуют имперскую идею на практике, тем самым формируя имперскую данность. Утверждая идеологию, внешнеполитическую стратегию, эталоны морали, поведения, быта, моды, «определяя сам образ жизни, повседневность империи» [16, с. 26], элиты задают направления развития имперской данности, её составные части.

На первостепенную важность элиты в создании доамериканских имперских систем указывал З. Бжезинский: «Прежние империи были созданы аристократическими политическими элитами и в большинстве случаев управлялись по сути авторитарными или абсолютистскими режимами» [2, с. 48-49]. Именно элиты бывают заражены и являются «производителями» имперских установок и символов. Их действия определяют политически окрашенными «амбициозными мечтами» [Там же, с. 80]. Экспансионистски ориентированные элиты в теориях империализма рассматриваются как инициаторы создания империй [10]. Они, в силу собственной «потребности в престиже, стремления к наращиванию мощи или же алчного поиска еще больших доходов» [Там же, с. 46], побуждали государства переходить «к политике экономического проникновения на зарубежные территории либо к силовым и политическим аннексиям, в результате чего и возникли европейские колониальные империи» [Там же].

Вышеприведённый анализ имперских данностей позволяет заключить, что феномен «имперского» синтезируется на основе действия императивов логики, направленных на осуществление имперской идеи. Его природа сложноорганизована и способна отражаться в различных процессах имперской реальности. Приоритет в постулировании «имперского» принадлежит элитам как сообществам, наделённым наибольшими властными полномочиями и заинтересованными в его реализации.

Немаловажным для настоящего исследования представляется дифференцирование понятий «имперского» и «империалистического», поскольку оно внесёт дополнительную ясность в сущность «имперского». Родовым понятием «империалистического» выступает «империализм», для которого «империя» не является главным смысловым звеном понимания [12]. Правильнее проследить родство понятий «империализм» и «капитализм», потому что «империализм как вид политики соотносится не с государством (политической системой), но с экономической системой» [Там же, с. 261]. Капитализм, будучи системой организации хозяйства, является определяющим для империализма. Истоки данной мысли ведут к европейским интеллектуалам конца XIX века, и в частности к Джону Гобсону (1858-1940), который определял империализм как новое, неизвестное прежним историческим эпохам явление, экономико-политическое по своей природе [5]. Империализм ставит на первое место не цивилизаторские, а экономические приоритеты. Его экспансионистская политика оправдывается избыточным капиталом, ищущим применения на внешних рынках. Он есть порождение такой системы хозяйства, для которой «территориальная экспансия является... неотъемлемой составной частью» [1, с. 7]. Империализм открыл эпоху монополистического капитализма, породившего территориальные образования сверхрационального характера. Таким образом, при сопоставлении «имперского» и «империалистического» необходимо исходить из представления о цикличности (этапности) развития имперского государства, в котором происходит движение от имперского к империалистическому. «Имперское» рассматривается как этап эволюции великодержавного государства, обусловленный приоритетом рационального приращения территорий и экономической мощи. «Империалистическое» же не ограничивается рациональным использованием императивов имперской логики, придавая им надрациональные смыслы. Это такие метаморфозы имперской идеи, в которых её абсолютизм достигает максимального измерения.

Одним из важнейших проявлений феномена «имперского», результатом реализации имперской идеи мы считаем имперское самосознание. Оно не часто становилось предметом научно-методической рефлексии. Отдельные авторы лишь упоминают о его существовании, не давая подробного аналитического разбора.

Так, Мюнклер считает, что имперское самосознание отражалось «в римском ритуале самопрославления, когда военно-политический триумф расценивался как победа цивилизации» [10, с. 119]. На наш взгляд, это наблюдение характеризует смысловую конструкцию «имперское самосознание» как необходимую психологическую составляющую стратегий развития имперского государства и подтверждающую своё присутствие в формах имперской самопрезентации. Одновременно оно связывает представление об имперскости с цивилизаторской миссией. В данном случае имперское самосознание является императивом цивилизаторства, осуществляющегося путём военно-экспансионистских методов.

Целесообразным является исследование природы имперского самосознания в опоре на методы феноменологии, поскольку оно понимается нами как такая смысловая структура, которой присущи элементы идеализации (абсолютизации), синтез рационального и эмоционального, а феноменология, как известно, представляет идеалистическое направление философской мысли. Изучение «феномена» обосновывается мыслительной установкой, при которой движение к его пониманию идёт от реального факта, явления, непосредственного бытия объекта к трансцендированию [9, с. 410-411]. Родоначальником данной методологии был немецкий философ Эдмунд Гуссерль (1859-1938). Под «феноменом» Гуссерль понимал сущностную всеобщность, в которой «сущность» получается в результате редукции эмпирической реальности. Философ разделял «факт» и «сущность», считая «факт» проявлением реального, а «сущность» – нереального [6, с. 21]. Переход к «чистой сущности», которая составляет основу «феномена», происходит через познание реального, но, трансцендируясь, ведёт к высотам ирреального. «Все трансцендентально очищаемые “переживания” суть ирреальности, полагаемые за пределами какой-либо включённости в “действительный мир”» [Там же, с. 21-22].

В изучении природы понятия «имперское самосознание» важнейшим звеном является представление о самосознании как таковом. Самосознание – одна из основных категорий философско-психологического и социально-исторического знания о человеке, неотделимая от понятия «сознание». Это своего рода сознание, направленное внутрь себя. Самосознание отражает попытку разгадки человеком истины о самом себе. Проблема изучения самосознания многогранна, потому что отсылает к глубинам человеческого существа, многообразие его внутреннего мира. Изучая самосознание, человек становится сам для себя объектом исследования. Являясь непременным компонентом человеческого бытия, мышления и познания, не допускающим воспроизведения себя в иных более широких определениях, самосознание выступает философской категорией высшего уровня [8, с. 212] и предполагает изучение с различных частнонаучных и методологических позиций, в том числе и исторических, и, таким образом, расширяет понятийно-категориальный аппарат исторической науки и способствует получению нового научного знания. Тезис о том, что философские категории высшего уровня стоят над любыми частнонаучными определениями, был артикулирован академиком И. Д. Ковальченко в его основополагающем труде «Методы исторического исследования» [8]. Кроме того, философский подход к истории как фактор её преобразования был обоснован академиком А. С. Лаппо-Данилевским.

Интерес к проблемам самосознания прослеживается на всём протяжении развития человеческой мысли. Он объясняется тем, что самосознание понимается как «конституирующий признак личности» [14, с. 149], экзистенциальная основа человека. В связи с этим можно полагать, что проблема самосознания во всём её многообразии будет актуальна всегда. Самосознание осуществляет себя на индивидуальном, коллективном (групповом) и общественном уровнях. Оно проявляется в процессе самонаблюдения субъекта, его самооценки, включённости в деятельность, отчуждённости человеческой мысли в результате философского, научного и художественного творчества. В науке сложились две традиции (русла) исследования самосознания, которые представлены идеалистическим и диалектико-материалистическим подходами. Мы не считаем, что самосознание ограничивается диалектико-материалистической основой, поскольку ему свойственны элементы идеализации, связь с интуицией, с бессознательными пластами человеческой психики. Главным тезисом для нас является утверждение о том, что самосознание связано с деятельностью субъекта и его эмоционально-оценочными переживаниями с участием идеализирующих и подсознательных мотивов. Кроме того, мы считаем, что различные уровни самосознания неотделимы от понятий «менталитет» и «идентичность», поскольку они также являются базовыми сопряжёнными между собой психическими структурами человеческой личности.

Вышеперечисленные основы самосознания дают право считать его полезной категорией исторической науки и, в частности, исторической психологии. Самосознание может включать в себя структуры имперского опыта и, таким образом, иметь отношение к феномену «имперского». Мы полагаем, что имперское самосознание имеет дуальную природу, тяготеющую к идеалистическому измерению, поскольку осуществляется как переживание, направленное на абсолютизацию имперской идеи. Важнейшую роль в его формировании играют идеологические установки, презентуемые элитами, довлеющими над различными сферами реализации имперской идеи. Имперское самосознание – это один из результатов имперского мифотворчества, находящегося на службе у избранной части общества. Концептуальной основой имперского самосознания является проживание имперского опыта через различные стратегии его реализации. Имперское самосознание формируется синтетически. В процессе его формирования участвуют все сферы общественного бытия (все направления возможного опыта) с присущими им языками самоописания, актуализирующими имперский опыт. Они обеспечивают презентативное поле имперскости. Такие языки формируются в науке и искусстве, социальной сфере, геополитике, законодательстве, династическом мифе и религии. Например, И. И. Рогов в качестве одной из основных репрезентант (маркеров) имперскости выделяет внутреннее и внешнее кольцо имперского влияния [13]. Политические и государственные документы, выступая важными «нарративами» имперского самоописания, также участвуют в процессе формирования имперского самосознания.

Оно фундируется на основе имперской идеологии, для продвижения которой используют различные средства коммуникации. Например, в Великобритании конца XIX в. в имперскую пропаганду были вовлечены «партийная и периодическая печать, брошюры и листовки, рассчитанные на массовую аудиторию, лекции с “волшебным фонарем” и кинематограф, музыкальные вечера, приёмы и театральные постановки» [15, с. 23]. Британский женский дискурс XIX – начала XX в. был пронизан идеей имперской культуры [11]. Женское движение Великобритании «находилось в культурной среде империи и создавало собственную традицию имперской риторики и имперской идеологии» [Там же, с. 33]. Кроме основополагающих для подобных движений понятий «женственность» и «материнство», британские феминистки обращались к понятиям «нация» и «гражданство», которые являются ключевыми компонентами имперского самосознания.

Имперское самосознание может принимать формы мировоззренческой установки, психического (духовного) переживания, идеологического предпочтения. Эвристическим представляется изучение имперского самосознания с точки зрения феноменологии, поскольку эта исследовательская стратегия «имеет дело с “сознанием”, со всеми видами переживаний, с актами и их коррелятами» [6, с. 19]. Она устраняет эмпирические ограничения познания. Кроме того, актуальным нам представляется изучение имперского самосознания в его взаимосвязях с понятиями «национальный менталитет» и «культурная идентичность», поскольку они также тяготеют к идеологическому наполнению и имеют корреляцию с сознанием.

Опираясь на всё вышеизложенное, необходимо отметить, что имперское самосознание – это психологический факт, в котором выражается солидарная духовная позиция субъектов имперского общества, заключающаяся в специфическом чувстве общих идеологических ценностей, закрепляющихся в образе «Мы». Это продукт абстрагирующей деятельности человеческого сознания, базирующейся на поэтапном обобщении событий эмпирической реальности, в первую очередь политической, и переводящей их в идеологический концепт. Это показатель уровня развития политического сознания.

Список источников

1. Беленко В. Б. Предисловие к русскому изданию // Гобсон Дж. Империализм / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. С. 3-15.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска / пер. с англ. О. Уральской. М.: АСТ, 2018. 384 с.
3. Великие империи мира / сост. Ю. А. Матюхина, Т. Б. Царева. М.: РИПОЛ классик, 2011. 448 с.
4. Глеб М. В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Мн.: Белорусская наука, 2007. 192 с.
5. Гобсон Дж. Империализм / пер. с англ.; предисл. В. Б. Беленко. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 288 с.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
7. Гуссерль Э. Идея феноменологии. Пять лекций / пер. с нем. и прилож. Н. А. Артеменко; вступ. ст. М. А. Белоусова. Изд-е 3-е, испр. и перераб. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018. 320 с.
8. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Изд-е 2-е, доп. М.: Наука, 2003. 486 с.
9. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева, Г. Г. Васильева. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: РГ-Прогресс, 2010. 496 с.
10. Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / пер. с нем. Л. В. Ланника; под ред. Т. А. Граблевской; коммент. и вступ. ст. Л. В. Ланника. М.: Кучково поле, 2015. 400 с.
11. Новикова Н. В. «Имперский феминизм» в британском женском движении // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 32-37.
12. Рогов И. И. Империя и империализм: история понятий и современный мир // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 3. Ч. 2. С. 260-267.
13. Рогов И. И. Империя как политическая система. Структура имперской организации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 1. С. 197-206.
14. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
15. Томпсон Э. С. Язык империализма и различный смысл понятия «империя»: имперский дискурс в политической жизни Великобритании 1895-1914 гг. // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 21-62.
16. Уколова В. И. Империя как «смысл» исторического пространства: попытка политологического анализа, обращенная к прошлому // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н. А. Хачатурян; сост. О. С. Воскобойников; Институт всеобщей истории Российской академии наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М.: Наука, 2008. С. 20-33.

IMPERIAL SELF-CONSCIOUSNESS FORMATION: THE MAIN ASPECTS OF THE PROBLEM

Perel'man Irina Vladimirovna

Moscow State University of Education

Boarding School of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

perelman765@mail.ru

The article is an attempt of the conceptual analysis of the notion “imperial self-consciousness”. The main driving forces of its formation, as well as presentation forms are considered. The genesis of the “imperial” is investigated. The study reveals the importance of the elite part of the imperial society in the process of promoting the imperial idea. The philosophical-psychological category of “self-consciousness” is understood in the context of the historical science relevance. The paper explains the differentiation between “imperial” and “imperialistic”. Relying on the methods of phenomenology, the author offers an explanation of the nature of the notion “imperial self-consciousness” and strategies for its research.

Key words and phrases: empire; phenomenon of “imperial”; imperial reality; self-consciousness; imperial self-consciousness; genesis.